

Ю.М. Ботяков

ПРАКТИКА ПАРЛАМЕНТЕРСТВА В ОЧАМЧИРСКОМ РАЙОНЕ АБХАЗИИ В ПЕРИОД ГРУЗИНСКО-АБХАЗСКОЙ ВОЙНЫ

В ходе грузино-абхазского вооруженного противостояния в 1992–1993 гг. между противоборствующими сторонами в Очамчирском районе Абхазии (ставшем в этот период территорией партизанского края) складывается устойчивая практика, когда на линии фронта начинают происходить регулярные встречи парламентариев для решения локальных проблем, постоянно возникающих между непосредственными участниками конфликта. В поле нашего внимания, таким образом, будет находиться тот сектор многоуровневого переговорного процесса, сопровождавшего грузино-абхазскую войну, по отношению к которому приемлема характеристика «народная дипломатия». В силу этого объектом рассмотрения становятся сельские сообщества, а также структуры, их представляющие (штаб самообороны села, отряды самообороны, а в дальнейшем батальоны), так как переговоры, носившие «официальный» межправительственный характер, практически не оставляли шанса на участие в них представителям традиционной народной дипломатии.

Насколько вообще можно говорить о народной дипломатии в годы войны 1992–1993 гг. в Абхазии, если иметь в виду классические, традиционные формы этого института? В этой связи приведем наиболее радикальную точку зрения относительно традиционного парламентарства в годы грузино-абхазской войны, которая принадлежит нашему информанту из селения Атара: *«Эта война настолько жестокой была, настолько несправедливой, что не приходится говорить о функционировании той привычной традиционной формы... посредничества... Я убежден, что дипломатия в грузино-абхазской войне как народная, через посредство старейшины и т.д., которые могли быть, должны быть вовлечены в переговоры, — этого не произошло»* [ПМА // Архив МАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. № 1961. Л. 10, 12].

Здесь, во-первых, принципиально важным является подчеркивание того факта, что старейшины (то есть полномочные народные представители) не принимали участия в переговорном процессе. Это расценива-

лось нашим собеседником как показатель того, что переговоры в их традиционной форме не проводилось. Кроме того, показательно, что переговоры с грузинской стороной (если говорить о первой реакции наших информантов на это слово) рассматривались исключительно в связи с намерением общины заключить мир с противником. При этом иные причины, инициировавшие установление контакта с противником, просто не принимались в расчет.

Вероятно, в такой однозначной оценке невозможности переговоров с грузинской стороной отразилось традиционное представление об основном предназначении института народной дипломатии — преодолении конфликта. В сложившейся ситуации военной агрессии разрешение такого конфликта, как война, с точки зрения наших информантов средствами народной дипломатии не могло быть выполнено в силу принципиального неприятия абхазским населением установления контакта с противником.

Тем не менее, если процесс переговоров не рассматривать исключительно в связи с выше отмеченной задачей заключения мира, дипломатическая практика сельских сообществ в Очамчирском районе на первом этапе войны имела место. В нашем распоряжении имеется информация о трех случаях переговоров, которые сельское сообщество того или иного абхазского селения вело с представителями грузинской общины. Во-первых, мы можем привести интересную, с нашей точки зрения, информацию о переговорах, которые состоялись в конце сентября 1992 г. в селении Киндги между представителями грузинской и абхазской частей населения и которые мы можем оценить именно как проявление «народной дипломатии». Переговоры были организованы после того, как отдельные попытки на уровне личных контактов призвать грузинскую часть населения к солидарности ни к чему не привели. *«Вместе выросли, какие-то пришли оттуда вооруженными, давайте вместе встанем. Они ни в какую не подписывались... Там село было Старый Киндги, Новый Киндги. В старом жили коренные абхазы, там несколько семей грузинских, 5–6, и греки, и русские... Потому что мы вместе выросли там, в этом селе, вместе работали»* [ПМА // Архив МАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. № 1894. Л. 3].

Инициатором встречи стал председатель колхоза, который собрал на нейтральной территории — в школе поселка, расположенного между Старым и Новым Киндги, людей, обладавших перед началом войны наибольшим влиянием на своих односельчан. *«Председатель авторитетных людей с той и с другой стороны позвал... которые руководили людьми в разных должностях... Я там не присутствовал. Там стари-*

ки. Нам старшие потом информацию дали. Собралось людей 20–25 с той и другой стороны... Говорим: “Давайте остановимся, встанем вместе, никого не запустим в наши села”. Ну, они тоже против этого были (т.е. против ввода грузинских войск в Абхазию. — Ю.Б.). “Ну, мы не можем ничего решать. Наши сыновья <...> мы их не можем остановить”... Каждый свое мнение высказал. Наши сказали: “Потом не видите нас в чем-то... Если будете наши дома сжигать, уничтожать... они (абхазское сопротивление, главным образом мужская молодежь) тоже не дадут. Это ни вам, ни нам не нужно, но если вы на этом стоите, то что же делать? Оружие у вас, все у вас...”. Они не могли управлять этой ситуацией... Наши шаг сделали: Давайте остановим!” [ПМА // Архив МАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. № 1894. Л. 5–7].

Отметим, что на самом первом этапе войны население двух сел воспринималось абхазской стороной как единое целое, которое противопоставлялось прибывшим из Грузии военным формированиям. Об этом говорит характер самих переговоров, проходивших втайне от грузинских властей. Статус участников переговоров в Киндги как с той, так и с другой стороны соответствовал традиционно предъявляемым к ним в обществе требованиям: это были наиболее авторитетные представители обоих сел. И хотя, как уже отмечалось, они были наделены властью, являясь «людьми, руководящими в разных должностях», тем не менее в качестве главного критерия здесь можно выделить именно возрастной критерий. Сам информант, занимавший к тому времени пост старшего инженера, то есть являвшийся лицом, относящимся к руководству села, в этих переговорах участия, тем не менее, не принимал и информацию о них получил от своего отца — одного из участников встречи, которых определил как «старшие» и «старики».

Наиболее важным из всех присущих традиционному оратору черт, согласно единодушному мнению наших информантов, является его принадлежность к старшей возрастной страте. Терпимость и упорство, необходимые при решении сложных, нередко взрывоопасных дел, в обыденном сознании признаются отличительными свойствами возрастной группы стариков. Действительно, несмотря на то что к моменту встречи в поселковой школе ситуация отличалась напряженностью, эмоциональный фон встречи, по словам нашего информанта, был довольно сдержанным.

Попытка объединить совместные усилия перед лицом внешней опасности потерпела неудачу. Тем не менее эти переговоры имели большое значение. С этой минуты абхазская и грузинская части общины официально разделились, определив свои позиции в конфликте. При

этом интерес представляет аргументация грузинских представителей, расписавшихся в утрате влияния на мужскую молодежь, в подавляющем большинстве поддержавшую центральные грузинские власти. Здесь мы сталкиваемся с известным в этнографии явлением, когда в критические для общества периоды возрастная группа молодежи, и без того представлявшая собой «взрывоопасный материал», брала на себя полномочия, значительно превышающие обычный уровень, что не могло не привести к ее выходу из-под контроля представителей старших возрастных групп. Аналогичным образом развивались события и во время Карабахского конфликта, когда армяно-азербайджанские столкновения в 1988 г. привели, согласно словам информанта А. Акопяна, к тому, что «молодежь взяла власть в свои руки» [Гусейнова, Акопян, Румянцев 2008: 21].

Примеры такого рода мы без труда найдем в истории Кавказской войны и последовавшего сразу после нее периода. Так, когда в 1868 г. российские власти решили провести разоружение горцев Северо-Западного Кавказа, это привело к волнениям среди населения и в первую очередь молодежи, вызвав с ее стороны резкое противодействие. Кабардинские старшины в своем докладе вышестоящему начальству писали о том, что «молодежь их не слушает и не слушает никаких увещаний, а силу готовится увещать оружием» [ГАКК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 2. Л. 25].

Впрочем, не менее возможно и другое объяснение развития событий, которое также может соответствовать принятой в традиционной дипломатии стратегии поведения, когда общинное руководство перекладывало ответственность за принятие непопулярных или рискованных решений на молодежь, обвиняя ее в «неуправляемости». Поэтому нижеследующий комментарий одного из многочисленных событий Кавказской войны — перехода русской колонны в Абинское укрепление в 1844 г. — вполне возможно, и не отражает реальное положение дел: «В то время как в арьергарде горская молодежь и удалцы дрались с нашими солдатами и казаками, в авангарде являлись старики и почетные люди, объясняя весьма равнодушно, что трудно у молодежи отнять охоту порезвиться» [Ракович 1900: 366, цит. по: Лапин 2008: 71].

Переговоры в Киндги не являлись единственной попыткой установления договорных отношений между грузинской и абхазской общинами. По мнению Б. Джапуа, единственным известным ему примером установления дипломатических отношений между грузинскими и абхазскими селениями за все войну на Восточном фронте было заключение соглашений о нейтралитете между обществами селений Кочара, Члоу и Гвада. Суть договора сводилась к тому, что представители упо-

мянутых сельских обществ обязались соблюдать нейтралитет и не принимать участия в боевых действиях против соседних сел. По словам нашего информанта, в каждом дворе этого грузинского селения висел белый флаг, свидетельствовавший о позиции, занимаемой хозяином дома по отношению к войне. Условия этого договора соблюдались до 26 ноября 1992 г. После того как в село Кочара вошли вооруженные силы Грузии, председатель колхоза Мхеидзе с риском для жизни успел передать абхазской стороне информацию о том, что община перестала контролировать ситуацию и в силу этого уже не может выполнять взятых на себя обязательств [ПМА // Архив МАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. № 1962. Л. 21–23].

И последний пример, который мы хотели привести, касается переговоров, которые были проведены представителями селения Атара и грузинского поселка Наа. Причиной организации встречи стала гибель при переправе Кодора группы пробиравшихся из Сухума на Восточный фронт местных абхазов в самые первые дни войны. Предпринятые вдоль русла реки поиски тел были серьезно осложнены обстрелом с противоположного берега. Задача абхазских парламентаров сводилась к достижению договоренности о безопасном передвижении по берегу занятых в поиске людей. К тому времени в Атаре уже был создан штаб самообороны, куда вошли представители администрации и практически всех входивших в село поселков. Именно штабом был сформирован состав отправившейся на встречу с грузинской стороной небольшой по численности группы парламентаров. В нее вошло три человека: обратившийся в штаб за содействием отец одного из погибших, представитель штаба — мужчина средних лет, не только пользующийся авторитетом среди жителей селения, но и (что в данном случае является принципиально важным) умеющий вести переговоры. Руководителем группы стал мужчина, относящийся к старшей возрастной группе. На момент встречи ему было приблизительно от 65 до 70 лет. В пересказе нашего информанта встреча произошла следующим образом. *«Подошли к поляне, где они уже собрались, человек десять, и сидели на бревнах... местные, грузины Наа свои тамошние люди... И мы там, когда подошли, не сели с ними вместе. Там один оказался знакомым... он поздоровался, по-моему. Обиций привет, конечно, здравствуйте, было сказано. Это факт. И с ихней, и с нашей стороны. Здравствуйтесь... только на русском... он нейтральный. Мы же гамарджоба там не сказали бы. И не сказали бы абзиараз. Главное, что поздоровались. Чисто по-человечески. Даже с врагом абхазцы... и врагу приходится иногда подавать руку. Ситуация смотря какая. (За руку поздоровались?) Нет, за руку не*

здоровались. И они тоже. Руку не протянули. Бардуша [старший в абхазской группе], может быть, поздоровался, насколько я помню. Мне кажется, это ему позволено было, он как старший, старик, знакомый... Главное, что мы поговорили и назначили время... И просим не беспокоить, не стрелять с той стороны, чтобы вы не думали, что мы там разведку проводим... Они согласились: [иронично] “Да-да, понимаем. Что вы, что вы”. И все. Тон разговора нормальный... я вспомнил один нюанс, они сами внесли предложение такое: “На этом берегу вы ведите поиски, а вода могла их вынести и на тот берег. И там мы будем вести...” Они даже обязали себя, якобы будут шарить по берегу реки с ихней стороны... Война шла уже вовсю. Они знали, что может наступить такое время, когда им самим придется что-то такое подобное... Это не дружественный жест. Это необходимость... Угроз с той стороны и этой не было» [ПМА // Архив МАЭ РАН. Ф. К. I. Оп. 2. № 1961. Л. 40–47].

Здесь следует отметить одну из характерных особенностей народной дипломатии — умение даже при контакте с противником находить общее «пространство», необходимое для решения насущных вопросов. Иначе говоря, умение отделить проблему решения конкретного вопроса от человеческого фактора. «Необходимость», о которой упомянул наш собеседник, есть собственно один из краеугольных камней народной дипломатии — умение рассматривать жизненную коллизию не в узких рамках конкретного случая, а в ее долгосрочной перспективе. В данном случае грузинская сторона, идя навстречу абхазской, оставляла себе на будущее пространство для маневра.

В годы войны институт традиционной народной дипломатии претерпевает изменения. Для начального непродолжительного периода войны мы можем говорить о его сохранении без каких-либо значительных трансформаций. Сельское сообщество отдельных абхазских селений вступало в переговоры с представителями грузинских общин. Эта ситуация переходного характера, когда еще не произошло окончательное размежевание грузинской и абхазской частей населения. Эти переговоры могут рассматриваться именно в качестве традиционной работы «ораторов» — *ацажжаа*, избирающихся обществом из представителей старшей возрастной страты для разрешения внутри- и межобщинных конфликтов. Грузинская сторона в процессе переговоров рассматривалась абхазской стороной еще как самостоятельный участник диалога. В дальнейшем, когда позиции сторон окончательно определились, местное грузинское население как самостоятельный участник переговоров сходит со сцены.

Реалии войны вынесли на повестку дня новые, отличные от мирной жизни проблемы, разрешение которых по объективным причинам уже не могло находиться исключительно в компетенции совета старейшин. Выделяется категория лиц, способная результативно решать эти задачи. Речь идет о представителях армейских структур, то есть главным образом мужской молодежи, усилившей в условиях войны степень своей авторитетности и обладавшей значительной самостоятельностью в принятии решений. Тем не менее, несмотря на смену действующих лиц, выработанные в рамках народной дипломатии приемы и навыки продолжали сохранять свою актуальность. В том числе даже сама смена главных участников процесса переговоров не противоречит принципам народной дипломатии, так как традиционно характер проблемы, выносимой на переговоры, во многом обуславливал состав группы переговорщиков.

Библиография

Гусейнова С., Акопян А., Румянцев С. Кызыл-Шафаг и Керкендж: история обмена селами в ситуации Карабахского конфликта. Heinrich Boll Stiftung: South Caucasus, 2008.

Латин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб., 2008.

Ракович Д.В. Тенгинский полк на Кавказе. 1819–1846. Тифлис, 1900.

Ю.В. Бучатская

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ ПОЛЕВОЙ РАБОТЫ (в связи с опытом общения с иной исследовательской культурой)

Эта статья продиктована желанием поставить перед читателем вопросы, которые занимают автора в последнее время, и проиллюстрировать сказанное примерами из собственной полевой практики в Германии.